

Леночки Ручейниковой (ручейник — это не растение, а насекомое). Тем не менее и ее фамилия в первом, журнальном варианте рассказа происходила от названия растения — Поручейникова (от растения поручейник).³

Этот растительный код рассказа «Ничего не вышло», как кажется, расшифровывается очень просто, особенно если соотнести рассказ с другими произведениями Сологуба: Россия часто предстает у него своеобразным растительным царством, в котором любое новое начинание глушится сорной травой и колючками кустарников и где ядовитые растения дурманят головы несчастных обывателей. Интересно, что единственный реальный топоним, упоминаемый в рассказе «Ничего не вышло» («Выписал я из Питера шутики три

уставов этих самых» (с. 48)), как и в некоторых других произведениях Сологуба, в частности в «Мелком бесе» (где целый ряд фамилий тоже связан с названиями растений), не изображается, а лишь называется. «Питер» — это место, где живет таинственное начальство, откуда, конечно, можно что-нибудь «выписать», но вот можно ли туда попасть — это большой вопрос.

Остается напомнить, что Сологуб испытывал большой интерес к ботанике и что в его личной картотеке сохранились выписки из ботанических справочников с подробными описаниями внешнего вида и свойств разнообразных растений.⁴

⁴ См. об этом: Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес / Изд. подг. М. М. Павлова. СПб., 2004. С. 745 (сер. «Литературные памятники»).

³ Сологуб Ф. Ничего не вышло // Петербургская жизнь. 1896. № 198. 18 августа. С. 167.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-252-255

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

О ЦИТАТАХ ИЗ ГЕРЦЕНА В ИССЛЕДОВАНИИ М. М. БАХТИНА О РАБЛЕ

В исчерпывающем комментарии И. Л. Поповой к монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» в Собрании сочинений М. М. Бахтина эпиграф к первой главе из А. И. Герцена — «Написать историю смеха было бы чрезвычайно интересно» — сопровождается следующим пояснением: «В Р-1940 эпиграф к главе отсутствовал. В Р-1949/50 М. М. Б<ахтин> добавил строки из Герцена (см.: т. 4 (1), с. 554), впоследствии сохранив их в ТФР».¹

Отметим, что появление и исчезновение отдельных эпиграфов составляет одну из примечательных линий истории правок, вносившихся Бахтиным в рукопись о Рабле в связи с различными обстоятельствами. Как известно, ученый завершил первый вариант исследова-

ния о Рабле в 1940 году, предполагая его возможный выход в свет в виде монографии. «Издательский проект» не увенчался успехом, и рукопись была представлена в качестве диссертации и защищена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в 1946 году. На рубеже 1940–1950-х годов автор был вынужден подвергнуть ее изменениям и исправлениям в соответствии с требованиями Высшего аттестационного комитета. И только в 1965 году увидела свет монография «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Перипетии этой истории описаны Н. А. Паньковым и И. Л. Поповой.²

В начале 1960-х годов были предприняты значительные усилия по публикации книги Бахтина. Отправляя в издательство сохранившийся у него текст диссертации, ученый в письме инициатору этого проекта В. В. Кожину от 7 июля 1962 года пояснял: «Я до-

¹ [Попова И. Л.]. Комментарии и приложение // Бахтин М. М. Собр. соч.: [В 7 т.]. М., 2010. Т. 4 (2). С. 603. Далее все ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы. Для удобства читателя поясним: Р-1940 — Бахтин М. М. Франсуа Рабле в истории реализма // Там же. Т. 4 (1). С. 11–506; Р-1949/50 — Бахтин М. М. Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса // Там же. С. 517–604; ТФР — Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

² Подробнее см.: Паньков Н. А. Вокруг «Рабле» // Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2010. С. 91–355; Попова И. Л. История идей сквозь призму истории текста: Книга М. М. Бахтина о Рабле в 1930–1960-е годы // Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М., 2009. С. 7–108.

полнял ее (около 1950 г.) по „указаниям“ экспертной комиссии ВАКа и внес в нее много отвлеченной вульгарщины в духе того времени <...> нельзя ли как-нибудь — в сугубо дипломатической форме — предупредить редакцию о той обстановке, в которой я переделывал свою диссертацию».³

Все сделанные Бахтиным изменения зафиксированы в соответствующем томе Собрания сочинений (4 (2), 591–696). Они коснулись и эпиграфов, значительная часть которых была заменена. Так, три эпиграфа из Гераклита, Гете и Рабле соответственно на древнегреческом, немецком и французском, предварявшие текст рукописи 1940 года (4 (1), 13), в последующих редакциях исчезли, им на смену пришли другие, в том числе и эпиграф из Герцена. Установление источника герценовского эпиграфа, равно как и герценовских цитат в «Дополнениях и изменениях к редакции 1949–1950 гг.» и монографии 1965 года, представляется достаточно важным для понимания не только того, каким образом происходит идеологическое «усовершенствование» попавшей под суровую критику ВАКа работы, но и самого механизма расширения Бахтиным ее цитатного поля.

Можно сказать, что Герцен никогда не принадлежал к числу авторов, всерьез привлекавших внимание Бахтина. Правда, в «домашних лекциях» по русской литературе, известных в записи Р. М. Миркиной, при изучении темы «Народничество» дана развернутая характеристика взглядов Герцена на сущность пролетариата и крестьянства. А роман «Кто виноват?» упомянут наряду с произведениями Жюль Санд и Н. Г. Чернышевского в статье «Идеологический роман Л. Н. Толстого». В последующие десятилетия имя Герцена отсутствует даже там, где ссылка на его произведения могла бы показаться вполне уместной, в частности в «русских разделах» бахтинской монографии о романе воспитания.

Имя Герцена появляется в ходе обсуждения диссертации в выступлении М. П. Теряевой во время свободной дискуссии: «Тема диссертации, или вернее название этой темы, делает нас очень требовательными. Если ставится вопрос о реализме, о том основном течении, которое мы поддерживаем, которое поддерживали наши лучшие литературоведы, как Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Ленин и Сталин, мне кажется, нужно было бы поговорить о том, что же отразилось в этой диссертации из этих воззрений наших лучших людей» (4 (1), 1027).

Несколько лет спустя фигура Герцена возникает в процессе переработки диссертации, можно сказать, почти в «теряевском дискурсе». Подборку его цитат о смехе Бахтин открывает фразой: «Значение смеха и его **революци-**

онную роль в истории культуры великолепно понял и определил наш Герцен» — и завершает выводом: «Наша работа в известной мере и является историей **смеха**, как ее понимал Герцен» (4 (1), 527, 528; выделено Бахтиным. — С. Д., О. О.).

Однако появление герценовских цитат в рукописи 1949–1950 годов, в частности того самого эпиграфа, не только дань идеологической конъюнктуре. В истории литературы и конкретных литературных произведений не так уж многочисленны случаи, когда можно с точностью утверждать, когда и откуда была взята автором та или иная цитата. Ситуация с Герценом относится к числу подобных редких примеров. В 2015 году душеприказчица Бахтина, литературовед и один из комментаторов Собрания сочинений Леонтина Сергеевна Мелихова передала Мордовскому государственному университету, в котором в 1936–1937 и 1945–1961 годах преподавал Бахтин, часть книг и журналов из унаследованной ею библиотеки учебного. Среди этих книг был и сборник статей «А. И. Герцен. 1812–1870», подаренный Бахтину известным историком отечественной словесности, русской и европейской культуры Николаем Павловичем Анциферовым. На форзаце книги Анциферов написал: «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину, автору блестящей работы о Рабле. / „Смех имеет в себе нечто революционное... В церкви и во дворце никогда не смеются, — по крайней мере, открыто... Одни равные смеются между собой. Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо“ А. Герцен. Т. VI. стр. 20 / на добрую память от Н. Анциферова 15го ноября 1946 г. Москва».⁴

Нельзя не обратить внимание на личность дарителя. Анциферов был знаком с Бахтиным по Ленинграду 1920-х годов, в частности по религиозно-философскому кружку А. А. Мейера и К. А. Половцевой. Бахтин и Анциферов, как и другие участники кружка, были арестованы и проходили по одному сфабрикованному делу об антисоветской религиозной организации.⁵ О характере их отношений в 1940-е годы свидетельствует письмо Бахтина М. В. Юдиной, хорошо знавшей Анциферова с ленинградских времен и продолжавшей дружить с ним всю последующую жизнь. 20 мая 1945 года Бахтин писал из Савелова в Москву: «Напишите мне с Гал<иной> Ив<ановной>, где сейчас Николай Павлович, приехала ли к нему семья, можно ли мне у него остановиться...»⁶

⁴ А. И. Герцен. 1812–1870: Сб. статей к 75-летию со дня смерти / Под ред. И. Клубуновского и Б. Козьмина. М., 1946. В настоящее время данная книга хранится в Центре М. М. Бахтина (Саранск).

⁵ Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993.

⁶ М. М. Бахтин — М. В. Юдиной. 20 мая 1945 года // Юдина М. В. Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 гг. М., 2006. С. 492.

³ Паньков Н. А. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина // Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. С. 551.

Обращает на себя внимание и дата на книге — 15 ноября 1946 года — день защиты Бахтинным диссертации. Несмотря на то что фамилия Анциферова отсутствует в «Стенограмме заседания Ученого совета Института мировой литературы имени Горького», где дан список присутствующих (далеко не полный), не входивших в состав членов совета, можно с уверенностью утверждать, что Анциферов был и на самой защите. По крайней мере, многие годы спустя Юдина писала Бахтину: «...третьего дня хоронили мы Николая Павловича Анциферова, и это общее горе, горе всех „добрых людей“ — не в последнюю очередь горе нас с Вами... <...> после кладбища мы (человек 20 или более) были у Софьи Александровны, многие вспоминали общее с ним детство, потом прекрасный человек Алиса Банг, его ученица с Тенишевского (византинистка), очень много и хорошо рассказывала, потом и я. Вспоминали, конечно, Вас и диссертацию». ⁷ Скорее всего, именно Анциферову принадлежит отмеченная в стенограмме защиты «реплика с места», сказанная во время ответа Бахтина на замечания Н. К. Пиксанова и явно поддерживающая позиции соискателя: после слов Бахтина («Эта революционизирующая сила средневекового смеха — это главный герой») прозвучало «с места»: «Смех — великий революционер, — сказал Герцен» (4 (1), 1063). Остается заметить, что у самого Анциферова стойкий интерес к наследию Герцена был продиктован достаточной близостью их идеологических и эстетических воззрений, и еще в 1918 году будущий автор «Души Петербурга» писал политические статьи-декларации, во многом опираясь на тексты и образы великого революционного демократа.⁸

Подаренный Бахтину сборник сохранил вполне конкретные свидетельства знакомства ученого с его содержанием. Характерной особенностью работы Бахтина с книгами и журналами была фиксация на полях тех или иных интересующих его фрагментов. Ученый простым карандашом ставил вертикальные линии на полях страниц. Количество подобных отчеркиваний варьировалось и зависело от важности для читающего той или иной мысли автора.⁹ Позднее на основании этих помет состав-

лялся конспект книги или статьи,¹⁰ в отдельных случаях в выделенном фрагменте косыми чертами отмечалась та часть текста, которая затем цитировалась уже непосредственно в работе самого Бахтина (например, таким образом выделены фрагменты в статье А. В. Луначарского, которые Бахтин цитирует в «Проблемах поэтики Достоевского» (6, 42)).¹¹

После высказанных Бахтину претензий по поводу идеологических недостатков его диссертации Герцен становится одной из фигур, которым предстоит подтверждать правильное политическое звучание отредактированного труда. Большую часть необходимого материала Бахтин находит в опубликованной в сборнике статье Я. Е. Эльсберга «Эстетические взгляды Герцена». Именно в ней цитируется мысль Герцена, воспроизведенная в надписи Анциферова. Приведем этот фрагмент полностью, не исключая и имеющихся внутри цитаты реплик самого Эльсберга: «„Смех, — писал Герцен, — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых... Смех — вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся. В древнем мире хохотали на Олимпе и хохотали на земле, слушая Аристофана и его комедии, хохотали до самого Лукиана. С IV столетия человечество перестало смеяться — оно все плакало, и тяжелые цепи пали на ум среди стенаний и угрызений совести. Как только лихорадка изуверства начала проходить, люди стали опять смеяться. Написать историю смеха было бы чрезвычайно интересно. В церкви, во дворце, во фронте, перед начальником департамента, перед частным приставом, перед немцем-управляющим никто не смеется. Крепостные слуги лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни равные смеются между собой... Смех нивелирует, а этого и не хотят люди, боящиеся повиснуть на собственном удельном весе“.

Герцен подчеркивает, что смех, комическое рождаются из сознания обреченности тех явлений и противоречий, против которых они направлены. В „Письмах из Франции и Италии“ Герцен указывал, что „...предмет, говоря о котором человек не может улыбнуться, не впадая в кошунство, не боясь угрызений совести, — фетиш, и человек подавлен им, он боится его смешать с **простою** жизнью... смех имеет в себе нечто революционное“.

⁷ М. В. Юдина — М. М. и Е. А. Бахтиным. 7 сентября 1958 г. // Юдина М. В. Жизнь полна смысла. Переписка 1956–1959 гг. М., 2008. С. 382.

⁸ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 336. Очевидно, что и само название книги воспоминаний — отсылка к «Былому и думам» Герцена.

⁹ См. подробнее: Гогтишвили Л. А. Комментарии // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. С. 533–701; Осовский О. Е. М. М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2002. С. 24–35.

¹⁰ Перлина Н. Еще раз о том, как по ходу работы над книгой о Рабле Михаил Бахтин читал «Поэтику сюжета и жанра» Ольги Фрейденберг // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова = Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / Под ред. Б. В. Орехова. Уфа, 2011. С. 209–227.

¹¹ Дубровская С. А. «Бахтин почти мой товарищ...»: о специфике последней волны первой русской реценции «Проблем творчества Достоевского» (в печати).

Взгляд Герцена на комическое является одним из проявлений его убеждений в громадной активной роли искусства, способного изменять и перестраивать жизнь. „Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо“, — заявлял Герцен.¹² Весь этот фрагмент сопровождается характерным бахтинским отчеркиванием. Впрочем, исследователь не ограничивается исключительно статьей Эльсберга и обращается к первоисточнику, поскольку в редакции 1949–1950 годов герценовский фрагмент получает продолжение — к нему добавляется еще несколько строк: «Если низшим позволить смеяться при высших или если они не могут удержаться от смеха, тогда прощай чинопочитание. Заставить улыбнуться над богом Аписом значит расстричь его из священного сана в простые быки» (4 (1), 528). Уже в этом расширенном виде данная цитата воспроизведена и в «Творчестве Франсуа Рабле и народной культуре средневековья и Ренессанса» (1965).

При подготовке рукописи к изданию в первой половине 1960-х годов Бахтин «снимает» некоторые оценочные высказывания, в частности — характеристику теории Жан-Поля: «Но общая концепция смеха у него (Герцена. — С. Д., О. О.) во многом поражает своей глубиной и оригинальностью. Насколько эта концепция и глубже и вернее, чем идеалистическая и формалистическая теория смеха Жан-Поля, которая до сих пор еще остается основополагающей для всей буржуазной эстетики!» (4 (1), 528). По внесенным Бахтиным изменениям в текст редакции 1949–1950 годов при работе над монографией можно судить о его

реальном отношении к вносившейся правке. В частности, он отказался от одной из характеристик герценовской философии смеха, противопоставлявшей им пониманию комического у Жан-Поля. При этом, впрочем, уходит и критическая реплика в адрес Герцена: «Об особом характере и привилегиях средневекового смеха Герцен, конечно, ничего не говорит» (4 (1), 528).

В самой монографии 1965 года часть все той же герценовской цитаты сохраняется в виде эпиграфа к первой главе, вся цитата выносится за пределы основного текста и дается как комментарий-опора к своей мысли: «...народно-праздничный смех включает в себя момент победы не только над страхом перед потусторонними ужасами, перед священным, перед смертью, — но и над страхом перед всякой властью, перед земными царями, перед земным социальным верхом, перед всем, что угнетает и ограничивает».¹³

Обращает на себя внимание и то, что изменились источники цитирования. Первая цитата приведена по новому Собранию сочинений Герцена,¹⁴ вторая — по сборнику «А. И. Герцен. Об искусстве».¹⁵ При этом следует помнить, что выверку цитат для данного издания по просьбе Бахтина осуществляли Кожин и другие молодые участники московского круга Бахтина.

¹³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 103.

¹⁴ Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 92.

¹⁵ Герцен А. И. Об искусстве. М., 1954. С. 223.

¹² Эльсберг Я. Е. Эстетические взгляды Герцена // А. И. Герцен. 1812–1870. С. 42.